

Лоцилин Иван

29.1.94.

252

«Родина моя, что с тобою стало?»

Соб. Россия - 1994 - 29 янв. - с. 5.

Четыре долгих месяца изо дня в день одни и те же лица, мир, втиснутый в размеры тюремной камеры, серый кусок неба в зарешеченном окошке и боль в душе, боль, от которой трудно дышать. И когда она становится совсем нестерпимой, в тетрадку ложатся горькие строки: «Родина моя, что с тобою стало?»

Все думы его о поруганном Отечестве, об униженных и обездоленных. Он был вместе с ними у Дома Советов третьего октября, когда демонстранты прорвали блокаду, потом, у мэрии, какой-то парень в камуфляже, когда раздался призыв идти на «Останкино», протянул ему автомат. Сугубо штатский человек, он машинально взял его и поехал вместе со всеми в «Останкино». То, что увидел там, его потрясло. Он еще напишет обо всем когда-нибудь...

Его арестовали вечером третьего октября на Сушевском валу, он по-прежнему был с автоматом, потому что не знал, что с ним делать. Просто бросить оружие не мог, неизвестно, в чьи бы руки оно попало. Сам он не стрелял, да и как человек верующий не мог стрелять. Впрочем, это показала и экспертиза: следов пороховых газов, несгоревших порошинок, копоти выстрела, ружейной смазки и металлов — продуктов выстрела не обнаружено. Тем не менее, поддерживая миф о неких боевиках, его арестовали и бросили в одну из темниц «Матросской Тишины» — без суда, без следствия, где и держат уже почти четыре месяца вместе с уголовниками.

Юрий Маларов, киноактер, друг Лоцилина, рассказывает о нем:

— Этот человек душой болеет за несчастных, униженных, оскорбленных. Во всех его картинах — боль за человека, за маленького, слабого человека. Он и сам не очень-то сильный — у него больное сердце, но, когда надо защитить людей, он становится сильным. Я сам видел, как второго октября на Баррикадной он заслонял собою женщин и стариков от ударов омоновцев.

Иван Лоцилин — удивительно талантливый человек, очень добрый и очень ранимый. Есть в нем и благородство, и истинная интеллигентность, и огромная боль за

то, что произошло с нашей страной. В свои сорок лет кинодраматург успел уже немало. В его активе двадцать киносценариев, по ним сняты широко известные зрителю фильмы: «Убийство на Ждановской», «И будем жить», «Хозяин», «Честь имею», «Караул» и другие. Его сценарий «Поводырь» признан лучшим на открытом конкурсе литературных сценариев киностудии «Ленфильм» в 1990 году. И вот такой человек содержится в тюрьме без приговора суда!

Учитывая состояние здоровья Ивана Лоцилина, уважаая его талант, с просьбой об изменении меры пресечения кинодраматургу Лоцилину обратились к проку-

Иван ЛОЩИЛИН. Таким он был до «Матросской Тишины»...

рору Дзержинского района Москвы заслуженный артист Беларуси, лауреат отечественных и международных премий киноактер Владимир Гостюхин, заслуженный деятель искусств Беларуси, кинорежиссер Валерий Рыбареv, кинодраматург, поэт Михаил Шелехов, кинооператор Владимир Калашников, от Общества русской культуры в Беларуси — Геннадий Власов. Аналогичное ходатайство подписали президент Международного фонда славянской письменности и культуры Вячеслав Клыкoв, вице-президент Александр Крутов, член правления фонда — иеромонах Тихон.

Об изменении меры пресечения Ивану Викторовичу

ходатайствует также народный артист России, вице-президент Международной Славянской академии наук и искусств Николай Бурляев. «И. В. Лоцилин, — пишет он, — один из талантливейших русских кинодраматургов, внесших своим творчеством заметный вклад в развитие русской патриотической литературы. Десятки его произведений способствовали воспитанию нравственных, патриотических основ молодого поколения России. Честный и бескомпромиссный художник, И. В. Лоцилин всегда был верным сыном своего Отечества, но никогда не был способен совершить преступление против своей Родины и своих соотечественников».

Второго ноября адвокат В. Н. Данильченко, обратившийся в прокуратуру с таким же ходатайством, получил ответ за подписью Дзержинского межрайонного прокурора г. Москвы, старшего советника юстиции А. А. Баженова, в котором говорилось: «По результатам рассмотрения ходатайства, с учетом исключительно положительных характеристик обвиняемого, с учетом ходатайства руководства различных киностудий, Международного Фонда славянской письменности и культуры, киноцентра «Русский фильм», а также ряда писателей и режиссеров, постановлением Дзержинской межрайонной прокуратуры гор. Москвы от 2 ноября 1993 года мера пресечения в отношении Лоцилина И. В. изменена на подписку о невыезде».

Однако заместитель генерального прокурора В. И. Кравцев отменяет это решение. Он же впоследствии утверждает и обвинительное заключение по обвинению Лоцилина Ивана Викторовича в совершении преступ-

ления, предусмотренного ст. 218 ч. 1 Уголовного кодекса РФ, то есть в «незаконном приобретении и ношении огнестрельного оружия и боевого припаса».

На волю доходят вести, что Иван Викторович не отчаялся, не пал духом. Родившиеся в тюремной камере стихи уже составили тетрадь «Тюремные молитвы». Молитва узника — о ней, Родине, о России. Ее боль — его боль. Строки его стихов исполнены надежды, веры, любви: «И верю я, что честная Россия — еще придет такие времена — С презрением отринет имена чужие И с гордостью вспомнит ваши имена...»

В четверг в Кировском народном суде под председательством судьи С. В. Фоменко начался процесс по уголовному делу № 18/123673. Известного кинодраматурга, патриота России, гражданина своего Отечества приводят в зал заседания под конвоем, в наручниках. Исхудавший, я бы даже сказала — изможденный, он похож в эти минуты на Христа.

Адвокат В. Н. Данильченко вновь заявляет ходатайство об изменении меры пресечения, но суд отклоняет его: оснований нет. К делу прибавляются новые многочисленные ходатайства кинематографистов, писателей, Центральной теле- и радиовещательной студии Министерства обороны РФ, где работал в последнее время Иван Лоцилин. Судья оглашает обвинительное заключение. Подсудимый полностью признает свою вину: да, у него был автомат с патроном, но он не стрелял и не собирался стрелять. «Тогда почему вы не бросили его?» — варьирует один и тот же вопрос представитель обвинения. «Я был в шоке от

всего увиденного, от трупов мирных людей, их расстреливали в «Останкино» из бэтээров. Бросить автомат я не мог: в той обстановке, попади он в чьи-то руки, мог наделать беды. А патруль сразу: «Руки за голову, ложись на землю!»

Выступают свидетели: настоятель подворья Псковско-Печерского монастыря отец Тихон, профессор ВГИКа, известный сценарист Евгений Григорьев, спецкор ЦТРС Министерства обороны Владимир Сидоренко — сослуживец Лоцилина, они убежденно говорят о том, что Иван Викторович никогда не смог бы сделать ничего, что причинило бы хоть малейший урон нашей стране, это человек, который всегда жил для людей, это художник, который писал сердцем. Мужественно, достойно держится жена и сподвижница драматурга. Она убеждена, что он не мог совершить ничего дурного, это человек чести и долга.

Заседание переносится на следующий день. К Ивану Викторовичу снова подходят конвоиры, заковывают его руки в наручники. Лена едва успела броситься к нему, поцеловать, а перемолвиться хотя бы словом не дали. Это было ужасное зрелище. Люди в зале плакали.

Страшный, чудовищный, ирреальный мир. Те, кто совершил государственный переворот и преступил закон, находятся в Кремле, творят беззаконие. Тех, кто был с народом в те дни, отстаивая Конституцию, судят и держат в темницах...

...Он уходил с высоко поднятой головой. А мне хотелось кричать: «Смотри, Россия, твоего сына распинают! Ведут на Голгофу!»

Надежда ГАРИФУЛЛИНА.

Лоцилин Иван

29.1.94
253

Сов. Россия. - 1994. - 29 янв. - с. 5

«Родина моя, что с тобою случилось?»

Четыре долгих месяца изо дня в день одни и те же лица, мир, втиснутый в размеры тюремной камеры, серый кусок неба в зарешеченном окошке и боль в душе, боль, от которой трудно дышать. И когда она становится совсем нестерпимой, в тетрадку ложатся горькие строки: «Родина моя, что с тобою случилось?»

Все думы его о поруганном Отечестве, об униженных и обездоленных. Он был вместе с ними у Дома Советов третьего октября, когда демонстранты прорвали блокаду, потом, у мэрии, какой-то парень в камуфляже, когда раздался призыв идти на «Останкино», протянул ему автомат. Сугубо штатский человек, он машинально взял его и поехал вместе со всеми в «Останкино». То, что увидел там, его потрясло. Он еще напишет обо всем когда-нибудь...

Его арестовали вечером третьего октября на Суцеском валу, он по-прежнему был с автоматом, потому что не знал, что с ним делать. Просто бросить оружие не мог, неизвестно, в чьи бы руки оно попало. Сам он не стрелял, да и как человек верующий не мог стрелять. Впрочем, это показала и экспертиза: следов дымовых газов, несгоревших порошинок, копоти выстрела, ружейной смазки и металлов — продуктов выстрела не обнаружено. Тем не менее, поддерживая миф о «блестящих» боевиках, его арестовали и бросили в одну из темниц «Матросской Тишины» — без суда, без следствия, где и держат уже почти четыре месяца вместе с уголовниками.

Иван ЛОЩИЛИН. Таким он был до «Матросской Тишины»...

Юрий Малахов, киноактер, друг Лоцилина, рассказывает о нем:

— Этот человек душой болеет за несчастных, униженных, оскорбленных. Во всех его картинах — боль за человека, за маленького, слабого человека. Он и сам не очень-то сильный — у него большое сердце, но, когда надо защитить людей, он становится сильным. Я сам видел, как второго октября на Баррикадной он заслонял собой женщин и стариков от ударов омоновцев.

Иван Лоцилин — удивительно талантливый человек, очень добрый и очень ранимый. Есть в нем и благородство, и истинная интеллигентность, и огромная боль за

то, что произошло с нашей страной. В свои сорок лет кинодраматург успел уже немало. В его активе двадцать киносценариев, по ним сняты широко известные зрителю фильмы: «Убийство на Ждановской», «И будем жить», «Хозяин», «Честь имею», «Караул» и другие. Его сценарий «Поводырь» признан лучшим на открытом конкурсе литературных сценариев киностудии «Ленфильм» в 1990 году. И вот такой человек содержится в тюрьме без приговора суда!

Учитывая состояние здоровья Ивана Викторовича, уважая его талант, с просьбой об изменении меры пресечения кинодраматургу Лоцилину обратились к проку-

рору Дзержинского района Москвы заслуженный артист Беларуси, лауреат отечественных и международных премий киноактер Владимир Гостюхин, заслуженный деятель искусств Беларуси, кинорежиссер Валерий Рыбарев, кинодраматург, поэт Михаил Шелехов, кинооператор Владимир Калашников, от Общества русской культуры в Беларуси — Геннадий Власов. Аналогичное ходатайство подписали президент Международного фонда славянской письменности и культуры Вячеслав Клыков, вице-президент Александр Крутов, член правления фонда — иеромонах Тихон.

Об изменении меры пресечения Ивану Викторовичу

ходатайствует также народный артист России, вице-президент Международной Славянской академии наук и искусств Николай Бурляев. «И. В. Лоцилин,— пишет он,— один из талантливейших русских кинодраматургов, внесших своим творчеством заметный вклад в развитие русской патриотической литературы. Десятки его произведений способствовали воспитанию нравственных, патриотических основ молодого поколения России. Честный и бескомпромиссный художник, И. В. Лоцилин всегда был верным сыном своего Отечества, но никогда не был способен совершить преступление против своей Родины и своих соотечественников».

Второго ноября адвокат В. Н. Данильченко, обратившись в прокуратуру с таким же ходатайством, получил ответ за подписью Дзержинского межрайонного прокурора г. Москвы, старшего советника юстиции А. А. Баженова, в котором говорилось: «По результатам рассмотрения ходатайства, с учетом исключительно положительных характеристик обвиняемого, с учетом ходатайства руководства различных киностудий, Международного фонда славянской письменности и культуры, киноцентра «Русский фильм», а также ряда писателей и режиссеров, постановлением Дзержинской межрайонной прокуратуры гор. Москвы от 2 ноября 1993 года мера пресечения в отношении Лоцилина И. В. изменена на подписку о невыезде».

Однако заместитель генерального прокурора В. И. Кравцов отменяет это решение. Он же впоследствии утверждает и обвинительное заключение по обвинению Лоцилина Ивана Викторовича в совершении преступ-

ления, предусмотренного ст. 218 ч. 1 Уголовного кодекса РФ, то есть в «незаконном приобретении и ношении огнестрельного оружия и боевого припаса».

На волю доходят вести, что Иван Викторович не отчаялся, не пал духом. Родившиеся в тюремной камере стихи уже составили тетрадь «Тюремные молитвы». Молитва узника — о ней, Родине, о России. Ее боль — его боль. Строки его стихов исполнены надежды, веры, любви: «И верю я, что честная Россия — еще придут такие времена — С презрением отринет имена чужие И с гордостью вспомнит ваши имена...»

В четверг в Кировском народном суде под председательством судьи С. В. Фоменко начался процесс по уголовному делу № 18/123673. Известного кинодраматурга, патриота России, гражданина своего Отечества приводят в зал заседания под конвоем, в наручниках. Исхудавший, я бы даже сказала — изможденный, он похож в эти минуты на Христа.

Адвокат В. Н. Данильченко вновь заявляет ходатайство об изменении меры пресечения, но суд отклоняет его: оснований нет. К делу приобщаются новые многочисленные ходатайства кинематографистов, писателей, Центральной теле- и радиовещательной студии Министерства обороны РФ, где работал в последнее время Иван Лоцилин. Судья оглашает обвинительное заключение. Подсудимый полностью признает свою вину: да, у него был автомат с патроном, но он не стрелял и не собирался стрелять. «Тогда почему вы не бросили его?» — варьирует один и тот же вопрос представитель обвинения. «Я был в шоке от

всего увиденного, от трупов мирных людей, их расстреливали в «Останкино» из бэтэров. Бросить автомат я не мог: в той обстановке, попади он в чьи-то руки, мог наделать беды. А патрულ сразу: «Руки за голову, ложись на землю!»

Выступают свидетели: настоятель подворья Псковско-Печерского монастыря отец Тихон, профессор ВГИКа, известный сценарист Евгений Григорьев, спецкор ЦТРС Министерства обороны Владимир Сидоренко — сослуживец Лоцилина, они убежденно говорят о том, что Иван Викторович никогда не смог бы сделать ничего, что причинило бы хоть малейший урон нашей стране, это человек, который всегда жил для людей, это художник, который писал сердцем. Мужественно, достойно держится жена и сподвижница драматурга. Она убеждена, что он не мог совершить ничего дурного, это человек чести и долга.

Заседание переносится на следующий день. К Ивану Викторовичу снова подходят конвоиры, заковывают его руки в наручники. Лена едва успела броситься к нему, поцеловать, а перемолвиться хотя бы словом не дали. Это было ужасное зрелище. Люди в зале плакали.

Страшный, чудовищный, ирреальный мир. Те, кто совершил государственный переворот и преступил закон, находясь в Кремле, творят беззаконие. Тех, кто был с народом в те дни, отстаивая Конституцию, судят и держат в темницах...

...Он уходил с высоко поднятой головой. А мне хотелось кричать: «Смотри, Россия, это твоего сына распинают и ведут на Голгофу!..»

Надежда ГАРИФУЛЛИНА.